

— Ну... — Лэ Тин немного колебался, но, посмотрев на страстно жаждущую мордашку князя, который, казалось, не перенесёт отказа, кивнул со словами: — Хорошо, но только одну историю, если услышанное будет неинтересным, прошу князя не порицать меня.

— Конечно не буду.

Лэ Тин, прочистив горло и ненадолго задумавшись, не спеша заговорил:

— По слухам, второй принц Яньтин — Чжэн Нань — однажды самовольно, взяв несколько слуг, отправился на охоту в лес, где подстрелил большого оленя, после чего разжёг костёр и стал жарить мясо, греясь у огня. Как только мясо хорошо прожарилось, принц внезапно услышал человеческий голос: «Приятно пахнет, может, отведаем вместе?» Чжэн Нань, увидев, что незванный гость хоть и одет просто, но выглядит красиво, обладает превосходным характером, да и сам на первый взгляд крайне привлекателен, сразу же пригласил вместе отведать оленины.

На что Фэн Мин со смехом произнёс:

— Как только увидел его красивую внешность и превосходный характер, сразу понял — это принц Ду Фэн.

На что Лэ Тин вновь со вздохом ответил:

— Я так и знал, что не умею рассказывать истории, даже немного интриги нагнать не в состоянии.

Испугавшись, что мужчина больше не станет ничего говорить, князь спешно попросил:

— Нехорошо было с моей стороны прерывать Вас, прошу генерала рассказать, что произошло дальше.

— Тем человеком действительно оказался принц Ду Фэн, который, получив приглашение, подсел к огню, а принц Чжэн Нань протянул ему оленину. Принц Ду Фэн без стеснения, взяв мясо, тотчас же начал есть. Закончив трапезу, он выразил благодарность Его Высочеству и сразу же ушёл.

Хоть Фэн Мин и старался сдержаться, но у него не получилось этого сделать, в итоге, открыв рот, князь тихонько спросил:

— Перед уходом он сказал принцу Чжэн Наню своё имя?

Лэ Тин с лёгкой улыбкой ответил:

— Он ничего не говорил принцу, даже имени своего не оставил, наелся и тотчас же ушёл.

Услышав это, Фэн Мин подумал: «В этот раз он был многословнее, чем тогда, а сказанное им «Му Са» можно считать проявлением уважения. Сталкивался ли он с Силэй или с обеспеченным и многоуважаемым Сяо Цзуном — неизвестно».

— Спустя три года на границе государств Яньтин и Ли возник конфликт. Из-за того, что у Ли мощи больше и наносить оскорбление ему было тяжело, император Яньтин вынужденно приказал своему сыну — принцу Чжэн Наню — отправляться в Ли, дабы от имени Его Величества принести извинения императору Ли. Принц Ду Фэн тогда находился в Чжаобэй и, узнав новости, сразу же отправился в Яньтин. Говорят, что он был вынужден загнать двенадцать лошадей, безостановочно мчась туда. И вот наконец, перед отъездом принца Чжэн Наня, Его Высочество Ду Фэн прибыл в столицу.

Сидящая позади князя Цю Юэ тоже, наострив ушки, слушала историю, но при воспоминании о Жо Яне её охватила холодная дрожь, и, обнажая неизбежную шелковинку страха, служанка прошептала:

— Он, наверное, приехал, чтобы остановить принца Чжэн Наня.

Лэ Тин покачал головой и приглушённо вымолвил:

— Он, встретившись с Его Высочеством, произнёс всего лишь одну фразу: «Я составлю тебе компанию». О том, как узнал новости, как отправился в дорогу и как волновался по пути в Яньтин, он ни слова не сказал. — Рассказ отличался отсутствием экспрессии и художественности, но эта краткая история обладала особым очарованием.

После последней фразы, сказанной генералом, все почувствовали, как горячая кровь прильнула к сердцу.

Тогда у холодного, словно облака и заря, изысканного и спокойного юного принца вопреки ожиданиям поднялось настроение, а воодушевление охватило душу.

— Что было дальше? — с толикой тревожности спросила Цю Юэ, туго стянув в руках носовой платочек.

Лэ Тин продолжил:

— После того как посланники прибыли в столицу Ли, император Ли задумал загнать принца в затруднительное положение и, позвав принца Чжэн Наня в императорский дворец, на глазах у всех министров спросил прибывшего: «Яньтин хочет уладить дело миром?» На что принц Чжэн Нань ответил: «Хочет». Тогда Его Величество Жо Янь сказал: «Ты на этот раз прибыл с действительно искренними помыслами?» На что принц Чжэн Нань вновь дал утвердительный

ответ. Тогда, выслушав, Жо Янь приказал подать наполненные вином три совершенно одинаковые золотые чаши и обратился к принцу: «Среди этих трёх чаш лишь одна — с отравленным вином, если у тебя искренние помыслы, выбери любую чашу и испей её».

Внезапно раздалось тихое «ах», как оказалось, что это нечаянно вскрикнула взволнованная Цю Син.

Цю Лань дрожащим голосом обратилась к мужчине:

— Так принц Чжэн Нань испил?

На что Лэ Тин ответил:

— Чжэн Нань не успел что-либо сказать, как Ду Фэн уже вышел вперёд и, взяв первую попавшуюся чашу, без колебаний осушил её.

Фэн Мин проговорил со вздохом:

— Он действительно обладает огромной храбростью. Но, к счастью, он сделал верную ставку, выбрав одну чашу из трёх.

— Принц Ду Фэн не делал этого. — Когда Лэ Тин добрался до этого места, в его взгляде смутно мелькнул мечтательно-восхищённый блеск, а сам мужчина прервал недолгое молчание: — Он испил первую чашу, выпустил её из рук, а после — взял вторую.

— Что? — почти в один голос завопили слушатели, которые один за другим обнажали недоверие.

Этот Ду Фэн — глупец?

— Когда он осушил третью чашу, император Ли, казалось, изумился и спросил его: «Как ты посмел испить все три чаши?» А принц Ду Фэн, не меняясь в лице, ответил: «Я предположил, что все три чаши наполнены не отравленным вином, ведь это императорский дворец, а если император Ли захочет нас убить, то к чему зря тратить отравленное вино — одного взгляда Вашего Величества вполне достаточно. Я сделал подобное только чтобы доказать Поднебесной — император Ли не желает мира, к тому же он бессердечный человек, не щадящий прибывших посланников». Выслушав ответ, император Ли запрокинул голову, громко смеясь, но когда смех утих, он вновь спросил: «А если твои догадки неверны?» На что принц Ду Фэн вернул: «Умереть за друга — на самом деле желание великого мужа». Договорив, он развернулся и, взяв принца Чжэн Наня за руку, громко рассмеялся, и, словно танцуя, они покинули дворец, после — уехали как ни в чём не бывало. Присутствующие министры, охрана — все они словно остолбенели, и никто не решился препятствовать Их Высочествам.

Закончив рассказ, Лэ Тин остановился, и в гостиной воцарилась такая тишина, что, казалось, можно услышать звон упавшей иголки. Выдающийся и непринуждённый поступок Ду Фэна потряс каждого находящегося в комнате, а, представив, как они с широкими улыбками и держась за руки, смело и решительно покинули роскошные стены императорского дворца, все испытали восхищение.

Спустя долгое время князь, вздохнув с облегчением, прошептал:

— Принц Чжэн Нань действительно удачливый человек, раз смог завести такого приятеля. — Фэн Мин вспомнил сегодняшний упущенный момент, и душу почти охватило ужасное сожаление.

На что Лэ Тин вернул:

— Я много лет восхищаюсь принцем Ду Фэном. Не понимаю, где князь Мин встретился с ним?

И Фэн Мин рассказал всё, как на духу:

— Как раз в Фэньчэне.

— Оказывается, князь Мин ездил в Фэньчэн. — Лэ Тин, взглянув на его лицо, предположил, что Его Светлость огорчился, не узнав Ду Фэна, и, смеясь, специально перевёл разговор: — По прибытии в Фэньчэн обязательно стоит попробовать местное вино юцзы, его благоуханный аромат не сравнится ни с одним вином. Прямо говоря, сравнивать драгоценное вино императорского дворца с вином юцзы — пустое дело.

При упоминании вина юцзы Фэн Мин внезапно вздрогнул. Ох, как же он мог почти позабыть о том важном деле? Ведь оставался один невинный несчастный будущий отец, ожидавший его помощи.

Фэн Мин поначалу печалился из-за невозможности упомянуть о деле зятя Тайцаня, но сейчас, услышав слова Лэ Тина, князь, словно змея, заползшая на ударившую её палку, тотчас же проговорил:

— Говорят, что стоит вино юцзы увезти за пределы Фэньчэна, как оно тотчас же скисает, поэтому его нельзя вывозить в чужие земли, это правда? Если отправить его в далёкие края, как, например, в столицу Юньинь, то всё будет напрасно, — закончив говорить, князь с серьёзным видом стал смотреть на реакцию Лэ Тина.

— Хе-хе, — генерал не удержался от смеха, выпустив чашечку горячего чая из рук, — князь Мин наверное уже побывал в разрушенном навесе Тайцаня и слышал его причитания? — Его прямолинейность оказалась огромной, словно гора Тайшань[1], неожиданностью для Фэн Мина.

— Как генерал узнал? — спросил князь.

Мужчина, качая головой, сказал со смехом:

— Трюк с разрушенным навесом Тайцань использует очень часто. Этот генерал в прошлый раз, обходя посты Фэньчэна, тоже был обманут, как тут не поймёшь? Видя, как эта старая женщина горестно плачет, я пожалел её, потому приказал отсрочить день казни её сына и повторно отправил вино юцзы в столицу. Увы, на самом деле отправляй, не отправляй — результат один, этим мы лишь тянем время, и всё.

От подобных слов князь ещё больше изумился и вымолвил:

— Раз уж генерал и сам считает его зятя невиновным, тогда почему не отпускаете человека?

— Если можно было бы выпустить, то этот генерал давно бы уже это сделал. — Лэ Тин внезапно протяжно вздохнул и, оглядевшись вокруг, ответил: — Раз уж упомянули про данное дело, нужно пригубить вина. Не знаю, можно ли этому генералу отведать ценного вина господина Сяо?

— Конечно. — И Фэн Мин приказал: — Скорее подайте сюда вина. — После обернулся, обращаясь к Лэ Тину: — Наше вино хоть и не сравнится с вином юцзы, но всё равно лучшего качества.

Когда нужно было прислушиваться к речам и вглядываться в выражение лица, то среди людей князя самым потрясающим являлся Ло Дэн. Услышав ответ Фэн Мина, мужчина спешно поднялся с места и, приказав стоящей снаружи служанке подать вина, вновь со смехом произнёс:

— Если предаваться пьянству и веселью, то нужен прекрасный пейзаж и закуски, только тогда будет занимательно. Сегодня как раз на небе сияет луна, почему бы молодому господину не пригласить генерала на палубу полюбоваться ночной природой и вдоволь насладиться вином? Что же касается остальных дорогих гостей, то ваш ничтожный слуга готов сопроводить вас и вместе насладиться видом и весельем, хорошо?

Фэн Мин в душе похвалил Ло Дэна за ум и, кивнув, поддержал:

— Хорошо, интересно, что думает генерал?

Лэ Тин совершенно не был против:

— Так даже лучше.

Немедля оставив нескольких гостей со своим подчинённым, Фэн Мин вместе со свитой поднялся на палубу. Снаружи дул приятный речной ветер, а высоко в небе сияла луна.

Служанки расстелили мягкие подстилки и, подав отличное вино и вкусные блюда, молча удалились, лишь оставшиеся Жун Ху и группа охранников стояли совсем неподалёку, словно гвозди, охраняя Его Светлость.

Лэ Тин, сев, выпил чашечку подогретого вина и расслабился:

— Сейчас, когда мы с Вами остались наедине, говорить стало куда удобнее. Я, Лэ Тин, военный человек, и ненавижу ходить вокруг да около, потому скажу начистоту. Князь Мин хоть понимает, что Тайцань использует Вашу Светлость?

— Тайцань использует меня? — Фэн Мин оцепенел и с удивлением спросил: — Неужели дело о его зяте является фальшивкой?

— Тайцань хоть и плутоватый, однако его матушка умерла очень рано, поэтому он очень обожает свою младшую сестру. С тех пор как с её мужем случилось это несчастье, Тайцань действительно предпринял множество способов, ища у людей помощи, потому данное дело нельзя назвать фальшивкой. — Тон Лэ Тина изменился, а сам мужчина приглушённо спросил: — Но думал ли князь, из-за чего Тайцань у стольких людей просил помощи, но никто так и не согласился протянуть руку, дабы спасти жизнь его зятю?

Вот только князь действительно не задавался подобным вопросом и, услышав его, растерянно проговорил:

— Правда?! Но почему никто не согласился спасти его жизнь? — И, помимо своей воли, Фэн Мин, вытянув руку, почесал затылок, растеряв бдительность и обнажив свою природную доверчивость.

Всё же впервые увидев, как знаменитый князь Мин в данную минуту с удивительной быстротой изменился, превратившись из опытного и хранящего мудрость выдающегося стратега в невинного простака, генерал невольно рассмеялся и тотчас же с улыбкой на лице сказал:

— Князь Мин не понимает, дело зятя Тайцаня — пустяк, вот только стоит кому-то знатному приложить руку, то для Юньинь это сразу приобретёт серьёзный характер.

Фэн Мин ещё больше удивился:

— Для Юньинь это сразу приобретёт серьёзный характер? — Рука, что чесала затылок, ероша волосы, остановилась и опустилась. — Генерал сейчас запугивает меня? Сначала лучше мне объяснить, а то я хоть и храбр, но только немного. — При этом выражение лица князя было крайне очаровательным.

— По-моему, князь Мин не понимает всей подоплёки Юнъинь. — И генерал разъяснил: — У моего императора Юнъинь есть три принца, раньше император души не чаял в старшем сыне — Юн И, но недавно Его Высочество наследный принц Юн И отказался от своего титула, потому нынешним наследным принцем провозгласили Юн Цюаня — второго сына императора.

Фэн Мин, услышав его речь о подноготной Юнъинь, крайне спешно притворился любознательным, кивнул, выражая понимание. Ведь на самом деле об этом всём князь уже давно знал.

Юн И потерял титул наследного принца как раз в то время, когда этот тип, Жун Тянь, вмешался, Ле-эр тоже приложил достаточно сил. Вот только теперь Ле-эр и Юн И были подобны клею и лаку[2]: после мучительного выбора между вечерней аудиенцией к императору и медвежьей лапой[3] Юн И получил заслуженную сладость.

Если бы Лэ Тин узнал, как именно наследный принц Юн И лишился своего титула, то, возможно, сразу же выхватил бы меч, желая пронзить его, князя, чтобы выплатить долг перед Юнъинь и своим императором?

Фэн Мин, со страхом в душе учитывая лишь свои интересы, вскользь упомянул:

— Я слышал, что второй императорский сын Юн Цюань кажется неплохой кандидатурой на роль наследника престола и теперь, когда он им стал, наверняка принимает более активное участие в делах государства, чем раньше?

На что Лэ Тин со вздохом ответил:

— Негодный, хотя даже это мягко сказано.

— А что случилось?

— Все проблемы начинаются тогда, когда Его Высочество Юн Цюань начинает говорить. С того момента, как Его Величество официально объявил второго принца наследником престола, последний стал менять свои старые замашки, сначала необузданно завладел властью и попытался контролировать военные силы.

В голове подобное не укладывалось, потому Фэн Мин с непониманием спросил:

— Юнъинь со временем станет его, есть ли необходимость поступать подобным образом?

И тут Лэ Тин задал встречный вопрос:

— Разве Жун Тун из Силэй не получил всеобщую признательность в качестве наследника? Из-

за чего пожелал внезапно поднять войска и захватил престол своей страны?

Всего лишь одна фраза, сказанная генералом, заставила немедля Фэн Мина замолчать. Ведь власть и престол всегда отнимали разум.

— И теперь все большие города, как столица, и такие маленькие города, как Фэньчэн, вовлечены в ссору между императорским двором. — Лэ Тин добавил: — Сверху императорский род ведёт внутреннюю борьбу со знатью, а снизу — разные чиновники: каждый, опираясь на наследника престола или третьего принца, воюет друг с другом, и этот бой не на жизнь, а на смерть. Князь Мин не является выходцем Юньинь и потому не понимает, насколько последствия такого скандала повлияют на нашу страну. Я один управляю Фэньчэном, где недавно случилось множество смертельных драк между правительственными войсками. Есть ли какой-нибудь выход? Здесь находится гарнизон правительственного командования, большинство из людей которого давние выдвиженцы третьего принца Его Высочества Юн Чэна, нынешние же направлены вторым принцем — Юн Цюанем, поэтому обе стороны как будто таят давнюю злобу и при каждой встрече их глаза тотчас же загораются яростью. Я, в свою очередь, не хочу принимать чью-либо сторону[4], лишь всячески подавляю и призываю к спокойствию, а в итоге? Сегодня вновь возникла эта проблема.

Фэн Мин слушал, лишившись дара речи[5] и одновременно вспоминая про сегодняшнюю встречу с «небесным злым духом», которая произошла в Фэньчэне, наверняка это одна из вовлечённых в борьбу жертв. Такие драки со стороны правительства очень шумные и приводят к смерти, неужели эта гарнизонная охрана не боится непосредственного начальника в лице Лэ Тина?

Но если обдумать хорошенько, каждый из этих людей хорошо воспитан, схватив одних, Лэ Тин непременно вызовет недовольство другой стороны, а схватив другую сторону — обидит их соперника. Он всего лишь заботящийся о вверенной местности генерал, не говоря уже о Его Высочестве наследном принце Юн И, даже третьему принцу не посмеет нанести обиду, потому сохранение нейтралитета и проявление равнодушия — наоборот, достойный выход из подобной ситуации.

Спустя долгое раздумье, князь всё же озадаченно спросил:

— Тогда какое отношение ко всему этому имеет зять Тайцаня? Неужели он является человеком принца Юн Цюаня или Его Высочества Юн Чэна?

— Его зять простой человек, а желающий воссоединить семью Тайцань получит от своего же зятя удар и всё, — откровенно поведал Лэ Тин. — Род Тай всегда верой и правдой служил третьему принцу, а человек, который предложил отослать в столицу вино юцзы в качестве подношения, оказался слугой Юн Цюаня. Поэтому приложить руку к этому делу всё равно, что вмешаться в борьбу между двумя принцами.

Фэн Мин лишь сейчас неожиданно осознал. Неудивительно, что Тайцань был таким поспешным. Но даже зная о том, что утаил чиновник, князь ни на волос не винил его, ведь

даже обладая огромной мужественностью, Тайцань не осмелился бы при первой встрече раскрыть тайну о внутренней борьбе двух принцев, потому мужчина был вынужден от начала и до конца жаловаться на несправедливость, а не упоминать о сложившейся запутанной ситуации.

— Борьба двух Высочеств настолько явная, неужели они не боятся, что люди об этом прознают?

На что Лэ Тин с холодной усмешкой вернул:

— Прознают, и что с того? У какого государя во дворце не ведётся внутренняя борьба? Государь уже в годах и большинство государственных дел передал Его Высочествам. Раньше, когда наследным принцем являлся Юн И, два Высочества всё же немного боялись, а сейчас Юн И не вмешивается в дела государства, и два Высочества стали совсем непокорными, разумеется, чем сильнее борьба, тем безжалостнее они. — Договорив, мужчина шёпотом добавил: — На самом деле, по прибытии сюда, я получил новости, из которых узнал, что Тайцань ищет помощи у князя Мина. И побоялся, если князь Мин по незнанию всей ситуации необдуманно приложит к этому делу руку, то вызовет ещё больше хлопот.

И тут князь вспомнил, как среди бела дня на его глазах разбился мужчина: внутренняя борьба Юнбинь оказалась настолько масштабной, что наделала много шума в маленьком городе Фэньчэн, но многие государства понятия не имеют, сколько в подобной схватке гибнет невинных жизней. Как говорил Ле Чжунлю: «Когда борется знать, кровь невинных струится рекой».

Как, например, ни в чём не повинный зять Тайцаня, которого втянули в эту борьбу, однако кто посмеет оказать ему услугу, тот вне всякого сомнения окажет косвенную поддержку третьему принцу Юн Чэну, но если об этом узнает Юн Цюань, то непременно может возненавидеть своего третьего брата. Тогда неудивительно, что знать не согласилась протянуть руку помощи, чтобы спасти жизнь невинного человека, который из-за пустякового дела с вином оказался на краю гибели.

Политика — крайне опасное место: потянешь за волосок — отзовётся во всем теле[6]. Не важно, специально или случайно ты решил внести смуту в эту борьбу, на тебя тотчас же наденут ярлык политического союзника той или иной стороны. Чем больше князь думал об этом, тем холоднее становилась спина, и Фэн Мин, понизив голос, выказал признательность Лэ Тину:

— Премного благодарен генералу за откровенность, я был совершенно не осведомлён по поводу всего этого. Вот только я не знаю, к кому именно из двух Высочеств генерал больше благосклонен?

На лице мужчины промелькнуло презрение, а сам генерал блёкло проговорил, смеясь:

— А можно не выбирать? Этот генерал был непосредственно отправлен сюда Его Величеством, но на самом деле в те года меня выдвинул Его Высочество Юн И. Однажды Его Высочество Юн

И отправил письмо, в котором просил меня позаботиться о Вашей Светлости, если в будущем судьба сведёт с Вами.

Фэн Мин внезапно всё понял. Оказалось, что генерал принадлежал к людям Юн И, потому неудивителен был его отказ принимать участие в борьбе между двумя принцами и то, как радушно мужчина поспешил объяснить ему, князю, о случившихся обстоятельствах. Из-за чего Лэ Тин снискал ещё больше расположения Его Светлости.

Князь хмуро сказал:

— Премного благодарен генералу за то, что специально поспешили сюда и напомнили, так как во внутреннюю борьбу императорского двора я действительно не хочу ввязываться. — Но сменив тему разговора, Фэн Мин продолжил: — Однако я уже согласился помочь Тайцаню и заняться этим вопросом. Не говоря даже о том, что одно обещание — тысяча золотых[7], а лишь понимая, насколько драгоценна человеческая жизнь, я не могу, опасаясь неприятностей, просто быть безучастным. Если великий муж дал обещание, то как он может, боясь трудностей, не сделать шаг вперёд и бросить слабого человека на произвол судьбы? И раз уж этот человек невинен, то я отыщу удобный случай и непременно спасу его.

Лэ Тин, до этого услышавший его отказ ввязываться в скандал, что казалось делом обычным, подумал: «Хорошо удалось урегулировать данное дело», и уже слегка кивнул, как вдруг князь внезапно «выплюнул» твёрдое «непременно спасу», да ещё так решительно и бесповоротно. Потому сейчас настала очередь генерала изумляться, и он, подняв голову, уставился на Фэн Мина.

Находящийся перед ним молодой человек сидел спокойно и отрешённо, держа в руках маленькую чашечку, под лунным светом его кожа сверкала подобно нефриту, а в мягкой изысканности таилось огромное благородство, которое невозможно было описать словами. Лэ Тин вздрогнул, а в душе подумал: «Этот князь Мин кажется хрупким, но кто бы мог подумать, что он такой непреклонный и доблестный».

Изначально он хотел лишь ради письма Юн И приехать, сказать и уехать, полностью выполнив свой долг. Однако в данную минуту генерал невольно восхитился князем и, немедленно подняв большую рюмку в знак уважения, смочил горло, а после смело проговорил:

— Князь Мин не выходец из Юньинь, но так заботится о жизни моего народа, можно ли мне немного такой отваги[8]? Хорошо, так или иначе я всей этой проклятой ситуацией сыт по горло, в таком случае лучше рискнуть! Вернувшись сегодня вечером, я тотчас же прикажу отпустить зятя Тайцаня, позволю их семье воссоединиться, если вскоре Его Высочество Юн Цюань узнает и станет обвинять, лучше уж я возьму на себя ответственность.

— И думать не смейте! — Князь тотчас же замахал руками, говоря: — Генерал пощадит одного, это всё равно что занять нейтральную позицию; если третий принц и Юн Цюань узнают об этом, наверняка затаят обиду. Юн Цюань сейчас является наследным принцем, и кто его знает, какое обвинение он может выдвинуть, чтобы погубить генерала. Спасая одного, можно

уничтожить другого человека — не наилучший план, лучше... лучше... — Как бы долго он не повторял «лучше», но всё равно не озвучил никакого эффективного и выполнимого плана, отчего князь неловко улыбнулся: — Дайте мне подумать... — Вновь запустив пальцы в волосы, Фэн Мин начал сильно чесать затылок.

Его план изначально был крайне прост, а именно — уговорить Лэ Тина, доказать, что зять Тайцаня несправедливо обвинён, и попросить пощадить мужчину. Однако сейчас ему стало понятно: мировые проблемы, зачастую, в десять раз сложнее, чем он мог себе представить. Сейчас Лэ Тин действительно согласился отпустить человека, но такая отзывчивость являлась не обычным стремлением к свету[9], а сохранением генеральского нейтралитета. Как Фэн Мин мог навредить ему, втянув в эту опасную борьбу между императорским двором и министрами? Если хочется спасти человека, к тому же не позволяя Лэ Тину вызвать недовольство двух сторон, Фэн Мин должен «выжать мозг». Он долго думал, но никак не мог найти никакого решения этого крайне сложного вопроса.

Князь невольно подумал о Жун Тяне. Если бы этот тип, полный интриг и коварства, находился здесь, то, может быть, улыбнувшись уголком губ, смог немедля придумать обоюдовыгодное решение.

«Тупица, тупица! Сейчас нужно было сосредоточиться на поиске метода спасения, так почему же вспомнился Жун Тянь?» — Фэн Мин втайне бранил себя, хватая почти улетевшее внимание, а с другой стороны спрашивая Лэ Тина:

— В конце концов, откуда пришёл приказ на приговор к смерти зятя Тайцаня?

— Указ пришёл из столицы от лица чиновника, проверяющего отборный товар, а по закону Юньинь — если товар имеет дефект или испортился, они имеют право выдвинуть приговор в отношении того, кто предоставил этот товар. Из-за моего ходатайства казнь зятя Тайцаня чиновники уже отложили на некоторое время, к тому же давая шанс и требуя вновь предоставить новую партию вина юцзы, в конце концов постарался всеми силами уговорить, — проговорил Лэ Тин. — Вероятно, они знают мою неизменную позицию, к тому же не восприняли меня человеком третьего принца Юньинь, потому, посчитавшись с моим добрым именем, согласились на вторую попытку прислать вино. Вот только доброе имя предоставляет единственный шанс, второго такого больше не будет. В случае убийства этого винодела по имени Чжао Ань, я, как местный управляющий генерал, всё же должен отправить в столицу вместе с указом на исполнение смертной казни этого человека документ, доказывающий его смерть. И в будущем, основываясь на этом моём документальном одобрении, есть вероятность, что могут затронуть родственников преступника из семьи Тайцаня. А если наказать Тайцаня и бросить в тюрьму, то тёплое местечко управляющего Фэньчэном, возможно, попадёт в руки человеку, служащему Его Высочеству наследному принцу Юн Цюаню.

Чжао Ань как раз являлся зятем Тайцаня.

Фэн Мин, вытаращив глаза, сказал:

— От начала и до конца всё это было задумано, чтобы заполучить место управляющего чиновника пристани Фэньчэн?

На что Лэ Тин задал встречный вопрос:

— А иначе что они хотят, по мнению князя Мина? Трёхэтажную потрёпанную гостиницу? Должность управляющего пристанью чиновника передаётся по наследству, Тайцань служит крайне опасно и не может назначить своего преемника, неизвестно, кто придумал такой злой и коварный план.

Князь Мин закатил глаза.

О, Небеса!

Кто-нибудь научил бы его, как в таком политическом хаосе спасти человека!

А тем временем Жун Тянь, облачённый в дождевой плащ и с надетой на голову доули[10], дабы скрыть высокую фигуру, вошёл вместе с Цзы Янем в двухэтажные благоуханные покои[11], где в воздухе витал тонкий аромат весеннего дождя.

В этих покаях находилось немного гостей, которые занимали лишь три десятых комнаты, по большей части разместившись в хорошем месте — у окна, свободно и непринуждённо любуясь весенним пейзажем. Не глядя на людей, двое мужчин прямоком поднялись на второй этаж и, распахнув неприметную дверь в конце коридора, вошли в комнатку.

В тот момент, когда Фэн Мин пил вино и любовался цветами, находясь в Фэньчэне, и тогда, когда с небес свалился мёртвый мужчина, пробив собой крышу сломанного навеса, Жун Тянь с Цзы Янем только добрались до другой пристани, что находилась на границе Юньинь и Чжаобэй, Вэйчжэнь.

Вэйчжэнь являлась маленькой пристанью, конечно, по загруженности она уступала пристани Фэньчэн, вот только отсюда можно было спуститься вниз по реке, отплывая из Юньинь к берегам Чжаобэй. Именно сейчас Жун Тянь отправлялся самым удобным маршрутом. В маленькой комнате витал тонкий аромат тлеющего фимиама, на столе уже стояли разного рода закуски и чайник подогретого вина — как раз то, что нужно.

Цзы Янь, окинув взглядом, прошептал, одобряя:

— Сяо Лю-эр как обычно подходит к своей службе со всей заботой и надлежащим образом. — Молодой генерал торопливо следовал за Жун Тянем, и хоть последние несколько суток выдались утомительными, однако он по-прежнему находился в прекрасном расположении духа без капли усталости и изнурения.

Слуга, шагнув в здание, сразу же направился к нужной двери, войдя, спокойно подошёл к окну и, убедившись, что никто не следит за ним, плотно закрыл его, после чего обернулся и с почтением поприветствовал сидящего сбоку Жун Тяня:

— Государь, Вы несомненно в безопасности, а Ваш подчинённый как раз беспокоится, что путь предстоит рискованный. — Подняв глаза, слуга посмотрел на Жун Тяня, а во взгляде читались воодушевление и волнение.

Цзы Янь вместе с Сяо Лю[12] были давними знакомыми. Они все были отобраны Жун Тянем, который тайно подвергал их суровому обучению на случай непредвиденных перемещений и битв, вот только спустя пару лет Жун Тянь специально направил дотошного Сяо Лю в Юньинь в качестве внутренней разведки. И лишь сейчас судьба вновь свела их — прежде спокойный Цзы Янь не мог сдержать свою радость и сказал со смехом:

— Кажется, мы прошли множество тягот, чтобы наконец-то добраться сюда в целости и сохранности. Благодаря навыкам государя передвигаться между странами — сущий пустяк.

Жун Тянь казался спокойным, однако на самом деле его сердце было словно огнём объято[13], молодому мужчине хотелось как можно скорее добраться до Дунфань. Тихо похлопав Сяо Лю по плечу, государь приказал слуге сесть и спокойным тоном немедля проговорил:

— Наши хорошо обученные войска, что находились в Чжаобэй, уже замаскировавшись, взяли торговые обозы и караваны судов и, рассредоточившись по суше и воде, перебрались в Юньинь. Поедем через Юньинь и, пройдя Ли, попадём напрямиком в Дунфань. Этот император лишь на ночь сделал остановку, завтра с рассветом отправимся в путь. Ты сейчас служишь в резиденции принца Юн Цюаня и знаешь, как обстоят дела в Юньинь?

После этих двух лет, что они не виделись, Сяо Лю показался ещё худее, чем когда находился при Жун Тяне, возможно, это из-за чуточку высокого роста, однако глаза переполняло необычайное одухотворение, проявляя скромную самоуверенность и упрямство.

Услышав вопрос Жун Тяня, слуга аккуратно ответил:

— В Юньинь сейчас творится неразбериха, повсюду беспорядок. Войска ведут себя крайне легкомысленно, два Высочества ведут борьбу за власть. Ты сражаешься со мной, я — с тобой, в такой безостановочной борьбе разве кто-то обратит внимание на караваны судов с торговыми обозами и на их такое огромное количество здесь? — Сяо Лю остановился и, обнажив недовольство, с беспокойством вымолвил: — Вот только после того как государь переступил границы Юньинь, почему не отправились в Боцзянь и Бэйци, а, наоборот, выбрали Тун? Там ведь всё-таки вражеское государство, а если по чистой случайности Жо Янь обнаружит...

Жун Тянь совершенно не придавал этому значения и, махнув рукой, с насмешкой ответил:

— Жо Янь как раз отправился в Фаньцзя, многочисленная армия сосредоточена на его

границах, а границы Юнъинь и Тун остались без военной силы. Его многочисленные войска все там, поэтому этот император не боится. Тем более его армия вернулась в столицу? Боцзянь и даже Бэйци хоть защищены, но идти обходным путём слишком далеко, и на возвращение уйдёт очень много времени, а этот император... — Поначалу молодой мужчина хотел сказать, что боится не успеть вернуться и защитить путешественника по странам Фэн Мина, но, распереживавшись и представив «выдающегося умом и отважного» князя Мина, Жун Тянь остановился и лишь блёкло проговорил: — Этот император, пройдя мимо Тун, может сберечь немало времени. Хм, Фэн Мин планировал отправиться по семи странам и сейчас тоже, должно быть, находится в пределах границ Юнъинь, если что-то случится, ты должен приложить все силы, дабы защитить его.

Сяо Лю кивнул и серьёзно проговорил:

— Подчинённый понял.

— Как обстоит дело со внутренней борьбой между двумя принцами — Юн Цюанем и Юн Чэном?

Сяо Лю подробнее рассказал обо всём, так как являлся слугой во дворце Юн Цюаня и очень много знал ходящих по дворцу сплетен, которые тотчас же живо пересказал: как Юн Цюань, вступив на место наследного принца, начал захватывать власть повсеместно, как Юн Чэн связался с министрами, чьи интересы были нарушены, ради отчаянного сопротивления.

Жун Тянь, попивая тёплое вино, внимательно слушал слугу. Всё происходило именно так, как он, Жун Тянь, предполагал. Ещё тогда, когда он позволил Ле-эру уговорить Юн И оставить титул наследного принца, император Силэй уже догадывался о сегодняшнем исходе. И самое превосходное развитие на данный момент — позволить двум сторонам, Юн Цюаню и Юн Чэну, уравновесить силы, продолжая их внутреннюю борьбу. Разве не Фэн Мин говорил: «Птица-рыболов и устрица вцепились друг в друга, а выгода досталась рыбаку»[14]?

Но от доклада Сяо Лю складывалось ощущение, что Юн Чэн уже находился в положении побитого, а приближённые министры третьего принца один за другим гибнут от рук Юн Цюаня. А когда наследный принц уберёт почти всех чиновников, Юн Чэн сгинет. А если погибнет третий принц и Юн Цюань получит неограниченную власть, то Юнъинь станет крайне неуправляемым государством.

Подумав об этом, Жун Тянь слегка улыбнулся уголками губ и вскользь упомянул:

— Такая обоюдная борьба слишком несправедливая, нам следует броситься на помощь, отвергая сильных, чтобы помочь слабым. Сяо Лю-эр, подойди, по секрету скажу, — и дал наставление на ухо слуге.

От услышанных наставлений глаза Сяо Лю внезапно просияли, а сам слуга, хихикая, промолвил:

— Государю не стоит волноваться, Ваш подчинённый конечно же знает, как поступить. Недавно Юн Цюань решил протянуть руки к пристани Фэньчэн, пожалуй, намереваясь захватить место местного управляющего чиновника, нам ничего не мешает начать действовать отсюда.

— Хорошо.

— В таком случае дело не терпит отлагательств, и Вашему подчинённому на самом деле немедля следует отправляться в Фэньчэн. Ваш подчинённый хочет откланяться. Государю следует беречь себя! — И, отвесив Жун Тяню глубокий поклон, выпрямился, после чего обратился к Цзы Яню, сложив руки в знак почтения: — Цзы Янь, береги себя! — Хоть его тон как всегда звучал мягко, но взгляд был полон братских чувств.

Тем временем на пристани Фэньчэн на берегу реки Оман находилась великолепная большая и привлекающая внимание джонка. Фэн Мин как раз старательно чесал в затылке, ломая голову, как проявить свой великий подвиг — отвергнуть сильных и поддержать слабого.

Увы, князь действительно был не пригоден для политических баталий, если бы ему довелось лично оказаться на поле боя и увидеть реки крови, то, возможно, смирился бы, но когда императорский двор устраивает кровопролитное сражение, борясь со знатью, от одной лишь мысли князя уже кидало в дрожь.

Нельзя было позволять зятю Тайцаня по несправедливому обвинению умереть...

Нельзя было позволять Лэ Тину ввязываться в это дело...

Нельзя было самому туда ввязываться...

Иначе путешествие по семи странам вот-вот превратится в изнуряющую войну для князя Мина...

Очень сложная проблема!

Было бы замечательно, окажись здесь Жун Тянь.

Фэн Мин с удручённой мордашкой поднёс к губам чашечку вина и, запрокинув голову, выпил, после чего немного засмотрелся на сверкающее лунное отражение на поверхности стола, свет луны был приятен для глаз, но в один миг взор слегка помутнел, став размытым.

— Плохо видно... — глупо бормотал князь с минуту, неизвестно о чём подумав. Фэн Мин внезапно вздрогнул всем телом, ясный взор чёрных как смоль глаз просветлел, словно снизошло озарение, и, неожиданно хлопнув ладонью по бедру, князь неистово воскликнул: — Придумал!

— Что придумал князь Мин? — спешно спросил Лэ Тин.

Но Его Светлость не спешил всё выкладывать генералу, сначала подозвал к себе Жун Ху и поинтересовался:

— Где сейчас Тайцань?

— В нижней каюте вместе с той старушкой.

— Позови его сюда.

Ответив: «Слушаюсь!», Жун Ху удалился.

Вскоре Тайцань оказался перед князем. Увидев, что Лэ Тин здесь, мужчина враз побледнел, чиновника явно мучила совесть за то, что он позволил князю узнать о своей тайне, но всё же трусливо поприветствовал:

— Какие наказания будут у князя Мина?

Махнув взглядом по нему, Фэн Мин расхохотался с издёвкой:

— Тебе, эдакому типу, не нужно притворяться, так как мне уже известно о делах между наследником престола и его братом, ты и впрямь крайне храбр, раз уж решил меня втянуть в этот водоворот.

На что Тайцань бухнулся на колени и дрожа пролепетал:

— Прошу у князя Мина прощения, я правда был вынужден пойти на это, так как выхода не было и никто не хотел помогать.

— А почему не отправился искать помощи у своего третьего принца?

Тайцань с обидой ответил:

— Его Высочество Юн Цюань сейчас является наследным принцем и притесняет Его Высочество Юн Чэна, да так, что третье Высочество почти не может поднять головы[15], и, заподозрив нас в измене, теперь Его Высочество Юн Чэн каждого из мелких чиновников подвергает травле, где уж там Его Высочеству Юн Чэну позаботиться? Я являюсь мелким чиновником, который в большинстве случаев лишь принимал небольшие подношения знакомых торговцев, никогда не вредил, к тому же не нарушал законы неба и человечества. О, Небеса, как могли мы оскорбить Его Высочество Юн Цюаня? Лишь... лишь умоляю князя Мина

оказать милость!

— Тайцань, я сначала хочу спросить Вас, — после долгого раздумья серьёзно добавил Фэн Мин, — Вы просите меня спасти Вашего зятя ради Вашей младшей сестры или же ради Вашей жизни, удовлетворяя Ваши огромные амбиции? Поначалу Вы планировали впутать меня в это дело, если бы я приложил руку и спас Вашего зятя, то это бы расценивалось как моя поддержка Его Высочества Юн Чэна, а я стал бы косвенным козырем, который увеличил бы мощь третьего принца? — Ещё три года назад князь Мин не смог бы произнести подобных слов.

Полученный более-менее опыт и кровью добытое знание говорило князю, что у каждого человека есть свои амбиции, а без поддержки Жун Тяня даже если он, Фэн Мин, этого не хотел, но всё же ему приходилось с осторожностью размышлять о мотивах, рождённых в тёмных уголках разума каждого человека. Необходимо было усердно работать, выстраивая твёрдые доспехи души, только тогда князь смог бы защитить как себя, так и приближенных слуг, дабы безопасно проделать весь запланированный маршрут.

Тайцань, сильно испугавшись, разразился рыданиями:

— Откуда взялись такие мысли у князя Мина? Я мелкий чиновник, служащий верой и правдой Его Высочеству Юн Чэну, ищущий влиятельного покровителя, а этому ничтожному слуге[16] спокойной жизни уже вполне достаточно, какие уж там амбиции? Когда над мужем моей младшей сестры нависла угроза смерти, а я мечтал бы заполучить повышение и деньги, что за человеком был бы я тогда?

Его голос дрожал, а сам чиновник в душе злился от возникших подозрений и недопонимания со стороны князя Мина. Сам же Фэн Мин, услышав объяснения чиновника, угукнул, кивая, а потом вновь заговорил:

— Тогда ладно. Я уже придумал приблизительный способ, чтобы все стороны извлекли для себя выгоду и заодно сохранилось Ваше благополучие.

Тайцань обрадовался и с волнением проговорил:

— Позвольте спросить, какую хорошую идею придумал князь Мин?

— Я попрошу генерала Лэ Тина сегодня, согласно полученному указу, приговорить Вашего зятя к смертной казни. — Стоило словам сорваться с уст князя, как генерал Лэ Тин и Тайцань оцепенели от неожиданности.

Тайцань застыл на долгое время, а на мясистом лице появилась шелковинка жалкой улыбки:

— Это... это и есть хорошая идея? Князь Мин не подшучивает надо мной?

— Кто подшучивает, я говорю абсолютно серьёзно, — строго сказал князь. — Таким образом, во-первых, мы сможем защитить генерала Лэ Тина, и на него не рассердится наследный принц Юн Цюань. Генерал поступит согласно присланному указу, третий принц в душе догадается, что убийство человека не является намерением самого генерала, и потому винить его не будет.

Лэ Тин хмуро сказал:

— Из-за подобного невинного человека всё равно убьют. — Этот князь Мин только что ещё торжественно клялся спасти невинного человека, а тут с радостью готов отбросить данную затею?

— Я лишь сказал «приговорить к смерти», но не говорил, что обязательно нужно его обезглавить.

Лэ Тин, смутно догадавшись, поразился:

— Идея князя Мина заключается в том, чтобы я, притворившись, будто следуя указу, убил Чао Аня, а на самом деле тайком его отпустил? — Немедленно покачав головой, мужчина хмуро добавил: — Легко высказать эту идею, а вот сделать сложно, ведь ради устрашения незаконного человека казнь всегда исполняют прилюдно. Два года назад смертник дал огромные деньги тюремщику, который вместо него подверг другого пыткам, но его разоблачили, поэтому сейчас перед тем, как отвести смертника к месту казни, неоднократно проверяют его личность. А это дело касается должности действующего управляющего чиновника пристани Фэньчэн, я боюсь, что в течение всего процесса наследный принц Юн Цюань будет пристально наблюдать со стороны, и вряд ли обмануть его будет так просто.

Тайцань тоже изо всех сил закивал, нервно начав уговаривать:

— Место казни — необычное место, соответственно, чиновника осматривают и составляют освидетельствование трупа, а также на случай подмены или если он вдруг притворился мёртвым, потому трюк с мнимой смертью невозможно скрыть от опытных палачей.

Однако Фэн Мин казался слишком уверенным и бодро сказал:

— Подменить мертвеца — крайне старый трюк и, конечно же, его невозможно скрыть. Мы на этот раз разыграем этих опытных палачей немножечко по-новому.

— Разыграем немножечко по-новому?

Окинув взглядом двух мужчин, князь внезапно сжал губы, обнажая шелковинку очаровательной улыбки. Подготовив подростковый розыгрыш, о котором он вспомнил, Фэн Мин наклонился немного вперёд и приглушённо задал вопрос:

— Вы когда-нибудь увлекались магией?

Примечания:

[1] Провинция Шаньдун, одна из пяти священных гор даосизма.

[2] Слитые вместе, они неразделимы; обр. в знач.: неразлучный, неотделимый; счастливое супружество.

[3] Под «медвежьей лапой» имеется в виду Ле-эр.

[4] В оригинале фраза звучит как «обнажать правое плечо» [в знак благоговейного уважения], обр. в знач.: снисходительно относиться к кому-л., особо благоволить.

[5] В оригинале фраза звучит как «вытаращить глаза и привязать язык», обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

[6] 一毛不拔 — букв. потянешь за волосок — всё тело придет в движение; любая частичка может сразу отразиться на всем целом; малое сказывается на большом.

[7] Обр.: выполнять обещания, быть верным своему слову.

[8] Китайский иероглиф 胆 (dan; дань), который обозначает жёлчный пузырь, имеет и другое значение: в традиционной китайской культуре он указывает на понятия мужества и отваги.

[9] Обр. в знач.: заискивать перед сильными мира сего, раболепствовать перед властью имущими.

[10] широкополая коническая шляпа (обычно из бамбуковой щепы, для предохранения от дождя и солнца)

[11] 樓(lóu)— здание; дом (выше двух этажей), терем; родовая морфема в названиях мест для развлечений и увеселений.

[12] Имя переводится как «маленькая/молодая ива».

[13] Душа будто пламенем объята; обр.: гореть от нетерпения, волноваться.

[14] Обр. в знач.: в конфликте двух сторон выгода достаётся третьему.

[15] Обр. быть занятым, подавленным, смущённым.

[16] Тайцань говорит о себе.

<http://bllate.org/book/13377/1190218>